СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ГОРОДА XVI–XVII вв.

Н.М. Рогожин

Основополагающие значение и роль Православной Церкви в создании и развитии Российского государства прослеживается буквально с первых веков проповеди христианской идеи на Руси. В XI столетии в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона уже были сформулированы особые отношения светской и духовной власти. Православная Церковь на Руси стала вассалом и духовником государства одновременно. Соратником и духовником Ярослава был Иларион, вдохновителем Куликовской победы Дмитрия Ивановича стал Преподобный Сергий Радонежский, образцами гражданского мужества стали Филипп Колычев и Патриарх Гермоген. Московский великий князь и затем царь воплощал в себе одновременно функции «священства» и «царства». Более того, царю представляется возможность реализовать замысел Творца на земле

В XVI–XVII вв. христианское и государственное сливаются в одно понятие «Святая Русь». В это время власть митрополита и патриарха и власть князя и царя простирались на всю территорию России. Обе администрации дополняли и дублировали друг друга в управлении государством, в годы кризисов оказывали взаимную поддержку и это единство было залогом выживаемости и жизнестойкости. Как справедливо отметила Е.Б. Емченко, основная тема Стоглавого собора 1551 г. — не отражение полемики между «нестяжателями» и «иосифлянами», а «священство» и «царство», их «согласие», противопоставление — возникает в XVII в. Главное — это устройство православного царства, где каждый должен строго подчиняться закону православной веры, а царю предоставляется право следить за его соблюдением. Интересно, что определяя порядок суда и управления, Стоглав копировал земское (государственное) управление[1].

А основой системы государственного управления России на протяжении более двухсот лет была приказная система государственных учреждений с тремя важнейшими приказами: Посольским, Поместным и Разрядным.

Патриарший двор также имел общегосударственное значение и сложился из домена московских митрополитов, традиционно имевших на своих землях вассалов (бояр, окольничих и служилых людей), обязанных воинской и гражданской службой митрополиту и государю. Окончательно Патриарщий двор оформился после Смуты, когда его возглавил патриарх Филарет. Состоял двор из патриарха, патриаршей боярской думы и приказов: 1) Дворцовый приказ (управлял вотчинами); 2) Казенный приказ (финансами, денежными сборами с подведомственных церковных учреждений); 3) Разрядный приказ (ведал назначением высшего духовенства и патриаршими служилыми людьми, их испомещением и судом); 4) Духовный приказ (являлся судебным отделением Разряда по церковным и брачно-семейным преступлениям); 5) Приказ церковных дел занимался надзором за благочинием и поведением духовенства; 6) Судный приказ ведал судом в патриарших вотчинах[2].

В административном отношении Русская Церковь, как и древневосточная, делилась на епархии. Известно, что в начале XVI в. их было уже 10, к началу XVII в. — 19, а к концу XVII в., в 1686 г., на Руси существовало 12 митрополий, 7 архиепископий, 3 епископии[3].

Тем не менее процесс образования новых епархий явно не поспевал за постоянным увеличением территории русского государства.

Ведомству епархиального архиерея по духовным и некоторым другим делам подлежали церкви и духовные лица, монастыри и монашествующие и

---

[1] См.: *Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 25–47.

[2] См.: *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов первой половины XVII века как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

[3] См.: *Перов И.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI–XVII вв. Рязань, 1882. С. 14.

церковное имущество. Архиерей обладал властью духовно-правительственного и духовно-судебного характера в подчиненной ему епархии. Епископ управлял своей епархией (духовными и судебными делами, а также хозяйством) с помощью большого штата духовных и светских чиновников, полностью находившихся в его распоряжении. Вполне естественно, что, обладая таким широким кругом властных полномочий, епископ, а вместе с ним монастыри и приходы, имели огромное влияние на жизнь не только обширной епархии, но и в большей степени на развитие центрального епархиального города, являвшегося местом проживания епископа и его штата. Не следует забывать, что основной ячейкой, формировавшей общественное сознание средневекового человека, был церковный приход.

Епископы Московской Руси были не только духовными наставниками — архипастырями, но являлись и очень важными, с обширными правами и полномочиями, государственными чиновниками. Они управляли большими территориями, владели, вместе с подчиненными им монастырями, значительным имуществом, крестьянами; на основании царских жалованных грамот епископам в их землях принадлежала административная, финансовая и судебная власть, а царские чиновники не имели права без разрешения даже въезжать в архиерейские владения.

В то же время епископы, как и другие помещики, должны были в своих землях отбывать различные государственные повинности: доставлять даточных людей на войну; отдавать денежные налоги на военные издержки, поставлять провиант на государевых служилых людей, давать нуждающемуся государству в займы и т.д.[4].

Присутствие епархиальных архиереев на Земских соборах было обязательным при обсуждении всех важных государственных дел: архиереи и монастыри были крупнейшей финансовой силой в стране и являлись царскими и всеобщими молитвенниками, без благословения и одобрения которых нельзя было начать и завершить какое-либо общегосударственное дело.

Известно, что послемонгольские города Северо-Восточной Руси являлись преимущественно княжескими центрами. Так, с 1340 г. (после кончины Ивана Калиты) Коломна стала домениальным городом главы династии московских князей и, активно развиваясь, превратилась в центр, сомасштабный Москве. Как убедительно показал А.Б. Мазуров в своей монографии «Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.», этот город вполне может быть рассмотрен как своеобразная модель древнерусского домениального города, своего рода образцовое, показательное хозяйство[5].

Издавна являясь как важным опорным пунктом русского государства в борьбе с кочевниками, так и крупным торгово-транзитным пунктом, связывавшим южные хлебные районы с Москвой и центральными городами страны, Коломна была одним из центров религиозной жизни и идеологии средневековой Руси[6]. Бурный рост церковной жизни пришелся в Коломне на вторую половину XIV в. Инициатором основания кафедры в Коломне стал московский князь: Коломна XIV–XV вв. — домен старшего князя московского дома Калитовичей.

Учреждение Коломенской епархии произошло в период между 6 декабря 1352 г. (поставление владимирского епископа) и 11 марта 1353 г. (смерть митрополита Феогноста). Для обособления новой кафедры существовали реальные причины: во-первых, стремление каждого крупного князя иметь своего епископа (в данном случае стремление московского князя. — *Н.Р.*) и острая ситуация в связи с кандидатурой митрополита в 1352 — начале 1353 г. Во-вторых, заинтересованность московского князя в церковном обособлении недавно приобретенных земель в отдельную епархию (г. Коломна — от Рязанского княжества, г. Можайск — от Смоленской епархии). И, наконец, внутрицерковная потребность в создании викарной (викарий — помощник епископа. — *Н.Р.*) кафедры близ Москвы[7].

Таким образом, у митрополита в лице коломенского архиерея появился помощник и временный заместитель, имевший кафедру в 100 верстах от Москвы. Первоначально коломенский епископ

[4] См.: *Каптерев Н.Ф.* Царь и церковные соборы XVI–XVII вв. Серг. Посад, 1906. С. 20.

[5] *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 3.

[6] См.: *Булгаков М.Б.* Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. Вып. 4: Москва и Подмосковье. М., 1981. С. 141–156.

[7] Подробнее см.: *Мазуров А.Б.* Когда была основана Коломенская епархия? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1996.

даже жил в Москве, где имел свой двор (недалеко от митрополичьего и великокняжеского), упоминаемый в жалованных грамотах.

Коломенские владыки с переселением епископа Сарского и Подонского в Москву на Крутицы (около 1460 г.) утрачивают значение наместников по управлению митрополией и становятся в основном епархиальными архиереями. В конце XVI — первой трети XVII в. Коломна по-прежнему оставалась центральным городом Коломенской епархии, объединявшей 11 небольших городов.

Используя данные писцовых книг г. Коломны и свидетельства Павла Алеппского (1653), можно реконструировать двор и деятельность коломенского епископа. Резиденция находилась при коломенском соборном храме Успение Пресвятой Богородицы, являвшемся его кафедральной церковью. Двор владыки располагался напротив царского двора на Соборной площади. Обнесенный кругом деревянной стеной («замет»), он был очень велик[8].

За створчатыми воротами на дворе епископа стояло несколько построек: «келья и повалуша казенные, келья мастерская» и др., в том числе и место постоянного проживания епископа — «келья владычная брусеная с комнатою, перед нею сени». Одним из служебных помещений епископа была «стоявшая посереди двора палата каменна, под нею погреб да хлебня»[9]. Здесь же, «на дворе» находилась канцелярия епископа, где он занимался делами, творил суд и расправу. Там же заседал коломенский «священный собор» (иерейский собор, т.е. собрание священников города, имевшее представительские функции).

В здании канцелярии имелось казнохранилище епископа, еще одно казнохранилище помещалось в верхнем ярусе над притвором соборной церкви. Павел Алеппский отмечает, что он и патриарх Макарий были поражены богатствами коломенского епископа — несколько сундуков, полных серебряных и золотых монет[10]. Это и понятно, поскольку именно епископу принадлежала власть и особое право собирать в свою казну окладные и неокладные пошлины с духовных и светских лиц своей епархии. При этом царь назначал духовных и светских лиц, которые должны были помогать епископу в управлении монастырями и церквями. На епископском дворе было много и хозяйственных построек: два ледника, погреб, сушило, две поварни, житница, упоминается и «конюшенный двор с комнатою» и сенями, а вокруг двора «замет»[11].

Была на епископском дворе и тюрьма «с железными цепями и тяжелыми колодками для преступников». Воевода коломенский не имел никакой власти ни над епископскими слугами, ни над епископскими крестьянами, провинившимися в чем-либо («в убийстве или воровстве»), «епископ коломенский распоряжался в воеводствах с властью, не допускающей прекословия»[12].

При встрече с епископом все, включая воеводу, снимали свои колпаки, кланялись и спешили получить благословение, целовали руку и стояли все время, пока он был на ногах. Во всех важных делах прибегали за советом к нему как к человеку, пользовавшемуся высочайшим авторитетом и отличавшемуся мудростью. Воеводы с охотой выслушивали наставления и внушения. А когда епископ являлся в общественное собрание, то впереди него несли его посохи. Каждый епископ был окружен несколькими монахами и 5–6 слугами. Павел Алеппский пишет и о том, что коломенскому владыке принадлежало 300 воинов, которых он использовал «для своей охраны, выгод (вероятно сбора налогов. — *Н.Р.*) и надзора». При этом содержание им шло от его угодий, они же должны были всюду сопровождать владыку[13].

В распоряжении епископа были как органы его архиерейской власти, так и бояре, дворяне, дворецкие, дьяки, тиуны, десятильники, волостели и т.д. У коломенского владыки, помимо большого штата церковников, был свой приказной аппарат, состоявший из стряпчих, подьячих и иных должностных лиц, имелись и «казенные мастера»: кузнецы, плот-

[8] Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в. (далее — Путешествие...). М., 1897. Вып. 2. С. 149.

[9] Писцовая книга г. Коломны 1577/78 г. (далее — ПК 1577/78 г.) // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 200. Л. 78об.

[10] Путешествие... С. 149.

[11] ПК 1577/78 г. Л. 79.

[12] Путешествие... С. 150.

[13] Там же.

ники, иконники и др. (которые из «домовой казны епископа годовое жалование денежное и хлебное емлют»[14]), а также и многочисленный штат домовых работников и прислуги.

Рядом с двором коломенского владыки находилось «67 дворов владычных бояр и дьяков и детей боярских и приказных и всяких людей»[15], в них проживало 69 человек коломенского епископа. Среди них упоминается владычные дворецкий, дьяк, повара, четыре портных мастера, бочарник, два иконника, мельник, погребной ключник, кожевник, серебренник, масленник, свечник, т.е. люди различных ремесленных специальностей. Таким образом, епископ формировал свой штат (обслуживавший его «дом» и помогавший ему в управлении городом и епархией) из светского городского населения, что при высокой степени материальной самостоятельности церкви давало широкие возможности для автономии и в сфере управления.

Владыке коломенскому в XVI — первой половине XVII в. принадлежали две белые слободки на посаде: на Ямках и на Репне у Троицы, в которых жили «владычни крестьяне», освобожденные от несения государственного тягла по жалованным тарханно-несудимым грамотам. Одна из таких грамот была выдана князем Иваном Васильевичем III по челобитью епископу Вассиану Топоркову (на коломенской кафедре в 1525–1542 гг.) 3 августа 1538 г.[16*].

Судя по этой грамоте, владычные слободки возникли в Коломне в начале XVI в. (начали формироваться с конца XV в.). В грамоте упоминаются 30 владычных дворов, расположенные в двух слободках: у Троицы — 25 дворов, на Ямках — пять дворов. Среди хозяев дворов, как уже оговаривалось, преобладали люди, занимавшиеся ремеслом (22 человека из 38), — в основном обработкой продуктов земледелия и животноводства.

Уже через 40 лет после выдачи этой жалованной грамоты по писцовой книге г. Коломны 1577/78 г. количество населенных дворов увеличилось более чем в 1,5 раза, а всех дворов — в три раза. За столь короткий срок коломенские епископы стали обладателями посада средних размеров. На посаде епископу принадлежали также семь дворов и 11 мест дворовых, населенных ремесленниками и лопатниками, да шесть дворов пустых[17]. И всего, таким образом, «и в крепости и на посаде», в слободках на Ямках и на Репне в конце XVI в. коломенскому владыке принадлежало 123 двора (населенных, т.е. 131 человек), и еще о 25 узнаем в числе владельцев лавок на торгу).

Государевы тарханные грамоты на посадские слободки после смутного времени «в разоренье утерялись»[18]. И после нового челобитья коломенского епископа царь Михаил Федорович в 1627 г. пожаловал коломенскому владыке Рафаилу и его «дому» новую государеву грамоту о подчинении его ведомству в Большом Микулинском стану и других местах сел, деревень с мельницами, лесами и др. угодьями, а также выданную и на епископскую мельницу, находившуюся на Коломенском посаде[19], и на дворы в коломенских городских слободках, «против старинных книг Д. Житова со товарищи» (1577/78 г).

По данным сыска 1640 г. видно, что количество дворов осталось почти прежним, а численность населения, зависимого от владыки, стала увеличиваться, что связано с последствиями Смутного времени. После «великого разоренья» и обеднения населения многие посадские тяглецы из черных слободок и сотен «закладывались» к крупным феодалам, выплачивая им оброк и становясь феодально-зависимыми людьми, чтобы «избыть тягло», которое при Михаиле Федоровиче стало для них настоящим бедствием.

Итак, коломенские епископы в XVI — первой половине XVII в. принадлежали к средним духовным феодалам, обладавшим значительным дворовладением в г. Коломне и имевшим в своем подчинении приказной аппарат и множество зависимых от них людей. Их материальное положение

---

[14] *Булгаков М.Б.* Структура и динамика... С. 146.

[15] ПК 1577/78 г. Л. 79–79об.

[16*] Она же подтверждалась затем в 1542 г. (при епископе Феодосии, 1542–1555) и в 1551 г. (тоже при Феодосии), а в третий раз, в 1584 г., уже Царь Федор Иванович пожаловал своего богомольца епископа Коломенского Иова.

[17] ПК 1577/78 г. Л. 105.

[18] *Булгаков М.Б.* Структура и динамика... С. 146.

[19] *Троицкий Н.* Царские жалованные и патриаршие настольные грамоты, данные епископом Коломенским и Каширским // ЧОЛДП. 1882. Кн. IX. Сентябрь. С. 247.

в этот период было намного лучше и устойчивее некоторых других архиереев русской церкви. Так, самыми бедными владыками-вотчинниками (кроме Крутицкого) были также Псковский и Тверской архиепископы. Псковский архиепископ в середине XVII в. имел только два двора бобылей. Тверской епископ был самым крупным землевладельцем тверского посада, где в 1626 г. жили государевы дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, посадские люди, рассыльщики, а 252 места пустой владычной земли отдавались под лавки и огороды. Архиепископских же крестьян и бобылей находим только 28 человек[20].

Наиболее состоятельными были митрополит Ростовский и Ярославский, архиепископ Суздальский и Тарусский, архиепископ Рязанский и Муромский.

Митрополиту Ростовскому и Ярославскому в первой половине XVII в. принадлежал городок Шуйский на р. Сухони и слободки в Ростове и Москве, а также дворы в Вологде, Ярославле и Устюге[21]. В Ростове в начале XVII в. за ним было девять дворов ружных попов, 10 певчих дьяков, 65 приказных людей, детей боярских, подьячих, недельщиков и других служебников; в Сторожевской и Ладанной слободках — 27 дворов. А по переписной книге 1646 г. за ним было в Ладанной слободке уже 112 крестьянских и бобыльских дворов (300 человек). В Ярославле он имел в начале XVII в. два двора, а в Вологде и Великом Устюге — по одному двору.

По дозорной книге Ростова 1619 г. на посаде находим 63 двора белого и черного духовенства[22]. В Спасской слободе Богоявленского монастыря было 5 дворов убогих людей и 16 дворов вдов и бобылей, а в слободке Андреевского монастыря — «1 дворишка с четью». По переписной книге 1646 г. в подмонастырской слободке Андреевского монастыря на посаде находим уже 12 дворов, в которых проживало 69 человек (41 — бобыли, нищие и ремесленники, 28 — монастырские дворники).

Архиепископ Суздальский и Тарусский имел в начале XVII в. в Суздале Борисоглебский монастырь и две слободки[23]. По писцовой книге 1628–1630 гг. в Суздальском кремле на архиепископской земле располагался двор его приказного человека и 19 осадных дворов, и еще в городе 12 дворов и три дворовых места. На посаде у него было три слободы, в которых было 14 дворов архиепископских детей боярских и 14 дворов дворовых чинов и архиепископских бобылей, т.е. всего 73 двора.

По переписной книге 1646 г. в кремле находилось 52 двора приказных людей, детей боярских и других архиепископских людей[24]. На посаде же было 74 двора детей боярских, дворовых людей и бобылей, двор нищей вдовы, т.е. всего 127 дворов (281 человек). Таким образом, произошел рост домовой архиепископской вотчины за 20 лет на 74%.

Архиепископу Рязанскому и Муромскому принадлежала домовая слободка в Переславле-Рязанском в середине XVII в., где было разных чинов 40 архиепископских дворов, крестьянских и бобыльских бортничьих 104 двора (63 человека) и три крестьянина в бегах, т.е. всего 301 человек[25].

Помимо епархиальных архиереев крупными феодалами, обладавшими значительным землевладением в городе, были и средневековые монастыри. Во главе монастырской братии находился игумен, а в особо крупных монастырях (например, в таком, каким был Спасский монастырь в Коломне) — архимандрит. Ему был придан целый штат помощников, ведавших различными направлениями деятельности обители.

Монастыри и монашествующие г. Коломны подлежали ведомству коломенского владыки. В XVI–XVII вв. в городе действовало шесть монастырей. Четыре из них располагались непосредственно в городе: Брусенский монастырь, основанный в 1552 г. в честь взятия Иваном Грозным Казани и к концу XVI в. только достраивавшийся; «Девич монастырь» и Петропавловский, или Рождество-Предтеченский монастырь, находившиеся в конце XVI в. в запустении; Спасский монастырь, являвшийся одним из богатейших и влиятельнейших монастырей Коломны в XVI–XVII вв. и располагавшийся на посаде за торгом.

[20] Статистические данные см.: *Смирнов П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 209.

[21] Там же. С. 204.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 206.

[24] Там же. С. 207.

[25] Там же.

Напротив города, на другом берегу Москвы-реки, находился Бобренев монастырь — один из древнейших монастырей Коломны, известный с конца XIV в. Материальное положение монастыря оставалось достаточно плачевным и после Смутного времени. Так, среди документов Печатного приказа в записной беспошлинной книге имеется запись от 20 июня 1615 г. По челобитной игумена этого монастыря Авраамия не велено царем с его монастырской вотчины брать «пятинные деньги для пуста» (значит, в годы разорения монастырские вотчины опустели, и выплачивать пошлины полностью в государственную казну монастырь был не в состоянии). Тогда монастырю и была назначена пошлина «для бедности — 25 алтын»[26]. Тем не менее Павел Алеппский, посетивший обитель в середине XVII в., восторженно описывает ее внешний вид: «против города стоит великолепный монастырь, весь выбеленный с высокими куполами»[27].

И еще один монастырь, который располагался вне города, «за посадом у Оки усть Москвы» (т.е. на южном рубеже Коломны) — Голутвин. История его уходит в глубокую древность. Это единственный из коломенских монастырей, о котором есть летописные свидетельства. А связано это с тем, что монастырь был основан Сергием Радонежским в 1385 г. по просьбе князя Дмитрия Донского. Закладка монастыря произошла в год примирения рязанского князя Олега с Дмитрием Донским на р. Северке. Содержание и строительство монастыря обеспечивалось большими земельными угодьями, которые возрастали за счет вкладов князей и бояр, уже в конце XV в. у Голутвина монастыря было свое подворье в Москве[28].

Таким образом, в Коломне в XVI–XVII вв. продолжала успешно действовать сложившаяся к середине XVI в. развитая система богатых монастырей. По значимости и устроенности особенно выделяются Спасский и Голутвин монастыри. Первый — ввиду своего исключительного положения (примерно до конца XV в.) как центрального среди коломенских монастырей, соответственно его настоятели носили высокий титул архимандритов; второй — благодаря своей истории, древности лет и преданию, с которым связано его основание.

По данным писцовой книгой г. Коломны 1577/78 г. также можно узнать о численности представителей черного духовенства в городе. Так, в Коломне в конце XVI в. их было 25 человек, четверо из них имели начальствующие чины.

Как и коломенский владыка, монастыри имели свои дворы на посаде и зависимых людей в городе. Так, в Коломне на посаде имелось девять монастырских осадных дворов, в которых проживало 11 дворников. Больше всего дворов было у Спасского монастыря: три двора осадных на посаде, «которые дали христолюбцы»; имелась купчая грамота на двор, что «в городе у Николы у Гостина, возле двора Безсона Бохтеярова». Спасский монастырь был единственным из коломенских монастырей, у которого была своя слободка Алексея чудотворца человека Божия, а в ней три двора ремесленников[29]. Все это еще раз подтверждает большое значение и влияние этого монастыря. Были свои дворы на посаде и у других монастырей — Бобренева и Голутвина. Всего людей, зависимых от монастырей, находим 19 человек.

Самыми богатыми дворовладельцами страны в начале XVII столетия в Замосковном крае были, помимо московских монастырей, Ярославский Спасский (307 дворов), Суздальский Спасо-Евфимьевский (200 дворов), Нижегородский Печерский (89 дворов) и другие монастыри[30]. К крупным дворовладельцам в городе принадлежал, например, Суздальский Покровский девичий монастырь (88 дворов), а также Рождественский монастырь во Владимире (16 дворов). Коломенские же монастыри, имевшие менее 10 дворов в городе, считались мелкими.

На коломенском посаде были монастырские «подворья» (городские владения) таких известных на Руси крупных монастырей, как Симонов и Чудов монастыри Москвы, Живоначальной Троицы Сергиев монастырь, Угрешский монастырь Николы Чудотворца. Им принадлежали 5 из 9 осадных дворов посада, в которых проживали дворники. Люди,

---

[26] Документы Печатного приказа. М., 1994. С. 424.

[27] Путешествие... С. 151.

[28] *Шепелев Н.И.* Богоявленский Старо-Голутвин монастырь // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 4. Коломна, 1998. С. 40–51.

[29] ПК 1577/78 г. Л. 95об.–96, 161об., 162, 163.

[30] Статистические данные см.: *Смирнов П.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 236–237.

которые жили на Симонове и на Троицком дворах, упоминаются и среди торгового люда Коломны в мясном и рыбном рядах Коломны[31].

Наиболее тесные связи с жизнью русского города XVI–XVII вв., а точнее, с населением городских посадов, имело приходское духовенство. Русский приход до XVIII в. был мелкой земской единицей, иногда — миром, он имел не только церковное, но и государственное значение: функции земского управления и удовлетворения религиозных потребностей в приходе переплетались. Так, обширные церковные трапезные служили местом для собраний органов общинного самоуправления и общинных сходок для обсуждения текущих дел и проведения праздничных церемоний; в церкви хранилась мирская казна; выборный сотский часто был и церковным старостой. Особенно важно то, что эти социально-религиозные функции соотносились не только с насущными проблемами местного населения, но и осуществлялись с его участием. О сооружении на мирские средства общинных церквей писцовые книги сообщали стереотипной фразой: «все строение мирское»[32]. Мир строил церковь, выбирал священников и весь остальной церковный причт и отводил им землю для ведения церковного хозяйства. Можно сказать, что церковно- и священнослужители целиком зависели от посада города и существовали в значительной мере на средства, размер которых определялся зажиточностью прихожан.

Всего в Коломне находилось более 40 церквей. Среди них каменная Соборная церковь Успения Пречистые Богородицы Донской, являвшаяся кафедральным собором коломенского епископа. На государевом дворе находилась каменная Воскресенская церковь; за государевым двором был храм верховных апостолов Петра и Павла «древян»; на соборной площади — ружная церковь чудотворца Николы Зарайского, «что под колоколы»[33], на которой были установлены сложной конструкции часы с боем (настоящая редкость в средневековой Руси). В городе были еще две ружные деревянные церкви — Иоанна Богослова и Алексея Чудотворца; два храма поставления князя Михаила Кубенского[34]; 8 монастырских церквей и 24 — приходского поставления. Нужно отметить, что 15 церквей (большинство приходских) не действовали, т.е. стояли без пения. Церковный причт в основном был немногочислен: несколько попов, иногда дьякон или пономарь и просвирницы.

По писцовой книге г. Коломны 1577/78 г. численность белого духовенства города составляла 35 человек. Священнослужители в Коломне были только при трех ружных и 11 неружных церквах, остальные церкви (около 20) стояли в запустении. Дворы священников начали пустеть и при ружных церквях. В Коломне священнослужители городских церквей (15 человек) владели дворами в городе; священнослужители посадских церквей показаны «во дворах» на посаде, т.е. собственниками не являлись. И только один протопоп церкви на государевом дворе являлся собственником дворов и в городе, и на посаде.

По данным писцовой книги 1623/24 г. «всего на Коломне и в городе, и на посаде, и в Запрудной слободе, и в Овчинниках, и в Гончарной, и в Кузнецкой, и в Орхангельской слободах на церковной земле» числилось «12 дворов поповых, да 5 дьяконовых, да место дьяконское, да 7 келий проскурницыных, келья пономарева»[35], т.е. всего 26 человек. Это снижение численности представителей белого духовенства связано с последствиями Смуты.

Соответственно с изменением количества белого духовенства сократилась численность и приходских церквей после Смуты. Так, вместо 24 приходских церквей, упоминаемых в писцовой книге 1577/78 г., осталось 11. Но число действительно действовавших приходских церквей осталось прежним — 11.

Священники Московской Руси пользовались большим почетом своих прихожан и властей. К тому же священники, как и другие представители духовенства, имели зависимых от них людей. «За попами» по писцовой книге 1577/78 г. в Коломне жили 16 человек, из которых четверо были описаны под заголовком «изстари государева данья» при Соборе Михаила Архангела. 13 из 16 человек, «живших за попы», имели свои дворы, а остальные жили у священников. Книга 1623/24 г., описывая положение города после Смуты, указывает на то, что в Коломне на церковной земле проживали бобыли — 11 человек, прежде бывшие посадскими людьми, и только

[31] ПК 1577/78 г. Л. 95об.–96, 127–127об., 129об.

[32] *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 15.

[33] ПК 1577/78 г. Л. 47об.

[34] Там же. Л. 53об., 77, 107.

[35] Писцовая книга г. Коломны 1623/1624 г. (далее — ПК 1623/24 г.) // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 201. Л. 168об.–169.

три крестьянина[36]. Распространение бобыльства после Смуты вполне объяснимо. В податном отношении состояние бобыльства было более льготным, чем тяглого человека. Для него, бобыля, была характерна бульшая определенность условий при поряде за владельца (размер оброка и сроки платежей фиксировались навсегда) и бульшая свобода деятельности[37]. Массовое развитие бобыльства после Смуты свидетельствовало о непосильности тягла, об отсутствии гарантий от различных насилий и о стремлении людей найти наиболее защищенную и льготную социальную нишу.

Конечно, за период смутного времени экономическое положение коломенских приходов значительно ухудшилось, тем более если сравнить его с коломенскими монастырями и епископом, которые только увеличили свои дворо- и землевладения. Это показывает прямую связь приходских церквей с жизнью коломенского посада и зависимость от его населенности и обеспеченности, т.е. от способности горожан содержать свой приход.

Если суммировать количество духовенства и зависимых от него людей Коломны на 1578 г., то общая цифра будет равняться 330 человекам (дворовладельцам). Таким образом, духовенство и зависимое от него население, составлявшие более 1/3 всего беломестного населения города (658 дворов и келий), являлись одним из основных компонентов социальной структуры русского средневекового города (одним из основных городообразующих элементов).

Данное соотношение значительно снизится, если посмотреть количество духовенства и зависимого от него населения, например, в нескольких рядовых городах Коломенской епархии. Так, по припрaвочной книге 1588/89 г. в Туле находилось 50 лиц белого духовенства, которым принадлежало пять дворов и 15 келий в городе, а также 27 дворов и три места дворовых на посаде[38]. Черного духовенства насчитывалось 17 человек в 17 кельях (при одном монастыре). И зависел от духовенства только 61 человек. В Дедилове в конце XVI в. имелось 24 представителя белого духовенства, которые владели тремя дворами, одной кельей и тремя дворовыми местами в городе, а также 16 дворами на посаде. В Кашире же в конце XVI в. духовных было только четыре человека в четырех дворах, а на церковной земле проживали 18 человек «торговых людей» и 10 человек государевых плотников[39].

Церковь имела тесную связь с торгово-ремесленной деятельностью города. Все зависимые от духовенства люди принимали деятельное участие в торговле и занимались промышленной деятельностью. В Коломне, по писцовой книге 1577/78 г., из них 73 человека торговали, имея 77 лавок и четыре полки на коломенском торгу; 60 человек занимались различными ремесленными специальностями, т.е. большее количество из всех зависимых людей (сравнительно со всем населением Коломны) занимались торговлей — около 37,8%, а ремеслом — 32%. Зависимые от духовенства, составлявшие 20,7% всего числа жителей, владели 20,2% всего числа лавок и дали 33,1% всего числа ремесленников города[40].

В первой четверти XVII в. по писцовой книге 1623/24 г. владельцев лавок среди одних только крестьян владыки Рафаила было 53 человека, им принадлежало 73 торговых помещения. Владычные крестьяне явно преобладали над другими группами беломестного населения Коломны как по числу торговцев (41%), так и по количеству торговых помещений (45%)[41], т.е. участие зависимых от духовенства людей в торговой и ремесленной жизни города в конце XVI в., будучи достаточно значительным, только еще более усилилось.

По данным «роспросных» речей беломестцев епископских слобод 1640 г., в 30 ремесленных, промысловых и торговых видах деятельности владычных слуг было задействовано 114 человек, составлявших сильную конкуренцию посадским тяглецам на местном рынке[42].

---

[36] ПК 1577/78 г. Л. 108об., 115об.

[37] См.: *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царя Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. С. 50.

[38] См.: *Чечулин Н.Д.* Города московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 255–259.

[39] Там же. С. 261.

[40] Там же. С. 170.

[41] См.: *Булгаков М.Б.* Структура и динамика... С. 152.

[42] См.: *Булгаков М.Б.* Промыслово-торговая деятельность населения коломенских епископских слобод в первой половине XVII в. // Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры: III конференция (Серпухов, 3–4 декабря 1999 г.): Доклады, сообщения, тезисы. Серпухов, 1999. С. 13–16.

Интересно, что сами духовные, как правило, не занимались ремеслами и торговлей. Так, среди переславского духовенства в конце XVI в. нет ни ремесленников (кроме иконников), ни торговцев. В торговле участвовали только три попа, дьякон и пономарь[43]. В 1578 г. в Коломне ремесленников среди них было только два: пономарь — плотник и иконник — брат диакона; а в 1624 г. среди посадского духовенства было уже семь владельцев лавок, владевших восемью торговыми помещениями, а Никольскому попу Ивану Боукову даже принадлежала на посаде одна из четырех воскобоен[44].

Посадская община города упорно боролась со своим сильным противником — епископом — за приписку к тяглу его людей, численность которых постоянно увеличивалась. В этой борьбе правительство поддержало интересы посада, что было связано с исправным поступлением в государственную казну налоговых средств, так необходимых после разорения. Хотя по сыску 1640 г. епископ отдал в тягло только 41 двор, по «строению» 1649 г. из его слободок на посаде и из городских дворов было взято в тягло еще 108 дворов крестьян и бобылей, т.е. епископские слободки были приписаны к посаду[45].

Хорошо известны и все подробности борьбы тяглых посадских людей Ярославля, Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля и других крупных религиозных центров России с беломестцами духовных феодалов, которая до середины XVII в. также шла с переменным успехом[46].

Церкви и монастыри города пользовались расположением своих прихожан, которые щедро одаривали их своими вкладами. Так, писцовая книга 1577/78 г. представляет нам множество имен вкладчиков Спасского монастыря. Среди них богатый дворовладелец и дьяк Андрей Шерефединов[47]. Он пожертвовал в монастырскую церковь к образу Спаса восемь гривен серебряных, «образ Эммануил, обложенный серебром», медное большое паникадило, «ризы комчаты белы, оплечь отлас золотной», свечи поставные, и большой колокол-благовестник для монастырской колокольни был «данья Ондрея»[48]. Свои вклады в монастырь делали и старцы. Так, например, велико пожертвование старца Варлаама Юшина: «царские двери да 4 образы местных да 4 пядей обложил» и свеча поставная[49]. Вклады в монастырь делались и в память по умершим родственникам: «дань по Анне по Колтовской»[50] (возможно, четвертая жена Ивана Грозного), по Михаилу Шерефединову и т.д. От боярина Семена Шерефединова монастырь получил две деревни (сельцо Семеновское в Городецком стане и сельцо Алексеевское там же), да одну деревню (сельцо Михеевское) от дьяка Андрея Шерефединова по своему племяннику Михаилу[51].

У Голутвина монастыря вкладчиков и покровителей было даже больше, чем у Спасского. Среди

---

[43] См.: *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 300.

[44] ПК 1623/24 г. Л. 329.

[45] См.: *Булгаков М.Б.* Структура и динамика... С. 147.

[46] Русский город. Вып. 9. М., 1990; Города феодальной России. М., 1966.

[47] Шерефединовы (Серефединовы) происходили из коломенских вотчинников. Константин Яковлевич Серефединов, послух ок. 1485 г. в Коломне; Иван Васильевич Шерефединов, вотчинник, 1556 г. (Коломна); его сын Петр Иванович (молитвенное имя Андрей), упоминается как дьяк в 1555–1557 гг., в том же чине присутствовал на Земском соборе 1566 г.; в 1550 г. и 4 июля 1574 г. сделал два вклада Троице-Сергееву монастырю его сын Афанасий Шерефединов. Петра-Андрея не нужно смешивать с дьяком Андреем Васильевичем Шерефединовым, который в 1566 г. был гонцом в Польшу; в 1567 г. — в Стокгольм, в 1572 г. был в опричнине; 6 февраля 1575 г. ведал дворцовый разряд, а 6 июня 1575 г. — Поместную избу пережил царя и умер в 1604 г. Шерефединовы с конца XV в. и позже упоминаются по Коломенскому уезду. Вотчины Шерефединовых в Коломне и их вклады Коломенскому Спасскому монастырю упоминаются в ПК 1577/78 г. (см.: *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 366; *Он же.* Исследования по истории Опричнины. М., 1963. С. 471).

[48] ПК 1577/78 г. Л. 151, 153об., 157–157об., 159об., 161.

[49] Там же. Л. 152об.–153, 159об.

[50] Там же. Л. 153об. Иван IV обвенчался с Анной Колтовской в начале мая 1572 г. Новая царица имела большое влияние на царя. Но четвертый брак царя не был продолжительным. Около 1574 г. он развелся с царицей из-за подозрения в том, что супруга имеет любовника (Бориса Рамадановского). Царицу сослали в монастырь, постригли в монахини, и там под именем старицы Дарии она прожила еще 54 года [*Веселовский С.Б.* Исследования... С. 194, 301; История государства Российского: Хрестоматия (Свидетельства. Источники. Мнения. XV–XVI вв.). Ч. 1. М., 1998. С. 467].

[51] ПК 1577/78 г. Л. 153об., 162.

подробно описанного имущества монастыря в писцовой книге 1577/78 г. упоминаются, в частности, дары Сергия Радонежского: «...ризы Сергея чюдотворца положенья», «ризы Сергея чюдотворца комка бела куфтерь, ветхи»[52]. Кроме влиятельных вкладчиков таких, как царь Иван Васильевич и коломенские владыки, можно назвать и людей более скромного достатка (старцы и старица — по своим родителям, пономарь, вдова Ксения и др.).

Являясь крупными феодалами-землевладельцами, монастыри выполняли в городе помимо непосредственно религиозных функций (моления, заступничества и др.) не менее важные и социальные. Они занимались составлением летописей, перепиской книг и заботой об их сохранности, писанием икон, причем к этой деятельности привлекались и мирские люди, получавшие благословение на богоугодное дело. Так, большая библиотека имелась в церкви Брусенского монастыря.

Голутвин монастырь был богат не только своей церковной утварью, иконами, но и ценнейшей библиотекой, хранившейся в церкви Богоявления. Ее фонд насчитывал 137 рукописей (22 из них были пергаменными). Библиотека действительно была очень крупной (в городе во всех книгохранилищах находилось около 400 книг), т.е. основной фонд был сосредоточен в Голутвине монастыре. Огромная для удельного города библиотека Старо-Голутвина монастыря с множеством однотипных книг, явно превышавших потребности обители, создавалось, возможно, при участии и местных монахов-переписчиков[53]. И только о Голутвине писцовая книга 1577/78 г. сообщает, что он поставлял церковные, в основном богослужебные книги, в свои монастырские села[54]. Это один из примеров заботы монастыря о зависимых от него селах, о том, чтобы церкви там не стояли без пения и службы проходили исправно.

В соборной церкви также была большая библиотека. Она насчитывала 108 книг на бумаге и на пергаменте (кроме тетрадей), среди которых 12 дал из своей кельи бывший владыка Иосиф (1565–1569) и одна из которых была напечатана в типографии — «треодь постная печатная»[55]. По мнению академика М.Н. Тихомирова, она была напечатана за 10 лет до «Апостола», изданного Иваном Федоровым, и являлась одной из первых печатных книг Москвы[56]. Все книги хранились в храме в «двух сундуках»[57]. В основном это сборники богослужебных текстов, такие как служебник, триодь, октоих, трефолой и минеи. Были также сочинения отцов церкви (Маргарит, Шестоднев) и сочинения о самоусовершенствовании монахов, расположенные ступенями — Лествицы и книги для чтения вне богослужебного круга (так называемые «четьи») — «книга Василия Великого», «книга прибылная владыки Саватия», «Зерцало», «две книги о латынях». Упоминаются дорогие оклады некоторых книг — «евангилье треть, оболочено бархатом тоусинным, застенки и спни серебряны»[58].

Таким образом, при храмах и в монастырях, являвшихся «книжными очагами, центрами учености и распространения культуры»[59] шла основная культурная жизнь города XVI–XVII вв.

Содействуя распространению и укреплению христианства, монастыри тратили на благотворительные цели значительную часть своих доходов, выполняя таким образом функцию общественного призрения. Так, во время неурожая, стихийных бедствий открывались монастырские житницы, в монастыре могли найти приют и еду обездоленные; при обителях существовали также и богадельни. В Коломне в конце XVI в. было значительное число нищих, живших при одном монастыре и четырех церквах — не менее 48 человек. Некоторые из нищих старцев по трое владели одной лавкой на торгу, двое из них обозначены в книге ремесленниками (масленник и портной мастер). Писцовая книга 1623/24 г. показывает, что в Коломне на посаде была

---

[52] ПК 1577/78 г. Л. 184об.

[53] См.: *Мазуров А.Б.* Живопись и книжная культура средневековой Коломны XVI — начала XVII вв. // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 3. Ч. 1. С. 54–55.

[54] ПК 1577/78 г. Л. 181.

[55] Там же. Л. 69об.

[56] См.: *Ефремцев Г.П., Кузнецов Д.Д.* Коломна. М., 1977. С. 39.

[57] ПК 1577/78 г. Л. 68об.

[58] Там же.

[59] *Бушуев С.В.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. Кн. II: XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 129.

богадельня и 6 келий нищих при трех церквах[60]. В Нижнем Новгороде было 19 келий для нищих и богадельня[61], в Туле в конце XVI в. нищие жили при церквях в 32 кельях, в Дедилове — в 25 кельях[62].

При подходе неприятеля православные обители становились непреступными крепостями и могли сдерживать натиск, находясь в осаде много месяцев. А в кризисные годы (например, в Смуту) монастыри служили основным прибежищем, где укрывались жители городов и соседних сел.

Церковь оказала большое влияние на формирование и развитие не только социально-экономической сферы жизни, но и внешнего облика русского средневекового города. Хорошо известно, что в XVI в. и особенно в XVII в. широкий размах приобретает каменное строительство в городах. В основном оно осуществлялось архиерейскими домами. Каждый епископ стремился обустроить свой двор каменными палатами и трапезными и поощрял желание горожан построить новую каменную церковь в своем приходе или обновить старую (деревянную). Неслучайно в писцовой документации этого периода встречаем множество указаний на ведущееся в городе церковное строительство. Так, например, в XVII в. были сооружены кремль Ростова с постройками на его территории (звонница, некоторые храмы), каменные стены, башни, церкви и палаты Савво-Сторожевского, Спасо-Евфимьева и других монастырей[63]. Активно шло строительство и в Коломне: перестроен кафедральный Успенский собор, возведена каменная теплая Покровская церковь на епископском дворе и т.д. Постройка новых церквей удивительно украшала город и во многом формировала его территорию: пространственное развитие посадов русского средневекового города шло не только по улицам и слободам, но и по приходам. Таким образом, церкви, монастыри, резиденции высшего духовенства играли важную роль в структуре русского средневекового города, а в некоторых случаях они становились определяющими градообразующими факторами[64].

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на автономность Церкви от государства и в сфере управления, и в сфере финансов духовенству и зависимым от него людям, составлявшим значительную часть населения центрального епархиального города, приходилось ежедневно взаимодействовать с горожанами. С одной стороны, они проникались их заботами и тревогами, а с другой — в соперничестве с ними активно защищали различные собственные интересы. Включение духовенства в городскую жизнь шло на нескольких уровнях: контактирование с местными властями; использование епископом в своем распоряжении целого штата подчиненных ему светских приказных людей, детей боярских, ремесленников и др.; взаимоотношения с простыми горожанами — жителями городского посада.

2. Основная роль Церкви в развитии русского города XVI–XVII вв. заключалась в формировании его социальной структуры, в активном участии его торгово-экономической деятельности (при создании конкуренции жителям посада), в осуществлении ряда социальных и общественных функций и преобразовании его внешнего облика.

3. В период Смутного времени влияние Церкви в городах только усилилось. Наблюдался рост количества вкладчиков, повышение числа зависимого от духовенства населения, увеличение церковного каменного строительства в городах и т.д. Церковь в первой половине XVII в. стала весьма могущественной. Поэтому единственной возможностью для дальнейшего развития города в XVII столетии в условиях постоянного роста налогов и сокращения численности населения посада стала последовательная борьба горожан с привилегиями беломестцев. Это соперничество за приписку белых слобод в тягло шло на протяжении всего XVII в. при поддержке государства и окончилось победой тяглого городского населения.

Но самое главное то, что основную роль в градообразующем начале в XVI–XVII вв. играла не государственная, а церковная администрация.

© Н.М. Рогожин, 2010

---

[60] ПК 1577/78 г. Л. 29, 30об.

[61] См.: *Дахнович А.В.* Нижний Новгород в первой половине XVII в. по писцовой книге. Б/м., 1809. С. 10.

[62] См.: *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 255, 261.

[63] Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 172.

[64] Русское градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 249.